

СТУДЕНЦОВ А. И. — в ПОМПОЛИТ

СТУДЕНЦОВ Александр Иванович, родился в 1881. Член партии социалистов-революционеров. В 1920-х — проживал в Пензе, получал пенсию как член Общества политкаторжан; написаны и опубликованы его научно-популярные статьи, книги и воспоминания, а также сборник детских стихов. 7 января 1931 — арестован и заключен в Суздальский политизолятор. В конце мая 1933 — переведен в Бутырскую тюрьму и летом отправлен в ссылку на 3 года в Уфу. В конце ноября 1933 — обратился за помощью в Помполит.

<23 ноября 1933>

«В Комитет помощи политическим заключенным.

административно ссыльного
г<орода> Уфы Студенцова
Александра Ивановича

Заявление

Сосланный административно в г<ород> Уфу после почти трехлетнего заключения в изоляторе и будучи до ареста пенсионером Об<щест>ва политкаторжан, я оказался в г<ороде> Уфе в отчаянном положении, не имея средств существования и заработка.

Комитет помощи полит<ическим> заключенных избавил меня на некоторое время от этого положения, приславши мне десять рублей в золотой валюте, полученные мною около 15 октября, благодаря которым я не голодую уже более месяца и надеюсь просуществовать еще <нрзб.> месяца, причем, часть суммы ушла на покрытие некоторых небольших долгов. Глубоко благодарный Комитету за столь существенную поддержку, я решил обратиться к Комитету еще с нижеследующим.

Прошу Комитет оказать мне содействие перед Секретным Отделом ОГПУ относительно возвращения мне книг и рукописей, отобранных у меня при аресте 7 января 1931 года в г<ороде> Пензе и при переводе меня из Суздальского в Бутырский изолятор в конце мая сего года.

Из книг и рукописей, отобранных в г<ороде> Пензе, я просил Секретный Отдел письменно и устно, неоднократно и бесплодно о возвращении следующих:

1) приготовленного к печати, оттиснутого на пишущей машинке, законченного труда под заглавием "Н. Г. Чернышевский, как педагог" (труд этот является переработкой моей статьи, напечатанной в декабре 1912 г<ода> в лучшем для своего времени педагогическом журнале "Вестник воспитания"; относительно ценности других, отмечу, что в первой статье ("На вопросы педагогики", предисловие к книге) и в заключительной ("О диалектических основах доверия к самобытному развитию детей") проводится идея необходимости издания для молодежи такой систематически подобранной библиотеки образцовых литературных исторических и популярно-научных произведений сообразно с научно определенным основным типом роста детской любознательности, обоснованным — в соответствии с основным принципом антропологии Фейербаха ("Сущность индивида есть сущность рода") — наиболее выдающимися английскими психологами (Спенсером, Селли) и раскрытым мною более подробно, — такой библиотеки, которая позволяла бы детям постепенно и незаметно, в силу одной только живой любознательности, подойти посредством одного лишь чтения завлекательных книг к основам современного научного миропонимания. О степени важности этой идеи можно судить по недавно — в текущем году — опубликованным проектам

советского гос<ударственного> издательства разрешить эту задачу, но не путем подбора литературно-классических и популярно-научных произведений, а творческими силами советских писателей под авторитетным руководством А. М. Горького;

2) неоконченную (выполненную приблизительно на две трети) рукопись — сборник лирических произведений русской поэзии, — труд, аналогичный "Русской Музе" П. Ф. Якубовича, но план которого составлен мною еще во время тюремного заключения в 1904 году, т<о> е<сть> до появления "Русской Музы", независимо и в отличие от нее с разделением избранных произведений русской лирической поэзии на периоды, соответственно с их историческим развитием (о том, что такого рода сборник имеет значение для нынешнего времени, можно судить по тому обстоятельству, что группа советских поэтов опубликовала в начале 1932 года о намерении издать аналогичный сборник; к сожалению, лично мне неизвестно, было ли это намерение приведено в исполнение и в каком виде);

3) изданную в 1917 году мою книжку под заглавием "На заре освобождения. О значении Н. Г. Чернышевского в русской литературе и жизни" (книжка эта беспрепятственно разошлась уже после Октябрьского переворота, о запрещении ее Сов<етским> правительством не было и речи, и отобраение Секретным Отделом имевшегося у меня единственного экземпляра остается немотивированным);

4) изданная в 1913 году в г<ороде> Уфе книжку моих стихотворений для детей под заглавием "Зоренька Ясная", — единственный экземпляр, остававшийся у меня от издания, давно разошедшегося, и повторения которого в новых условиях я едва ли смогу дожидаться (мотив Секретного Отдела о надобности для него этой книжки в интересах характеристики моих воззрений я считаю несостоятельным, так как на допросах я отнюдь не скрывал моего мировоззрения — народника, воспитавшегося на идеях Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, со всеми характерными особенностями их взглядов и симпатий, к числу которых относится, между прочим, и почти органическая привязанность обоих писателей к церковному пению и праздникам);

5) изданную в 1926 году книжку моих воспоминаний "Саратовское крестьянское восстание 1905 года" (в г<ороде> Пензе Об<щест>вом взаимопомощи ветеранов революции) — единственный экземпляр, остававшийся у меня из издания, уничтоженного в административном порядке (мотивом уничтожения послужило отсутствие в книжке коммунистического предисловия и опасение увеличения симпатий к партии социалистов-революционеров у поволжского крестьянства, среди которого часть издания, до его запрещения, была распространена. Полагая, что оставшийся у меня единственный экземпляр не предназначен служить для каких-либо нелояльных целей, хотел бы его возвращения).

В числе отобранных в 1931 году рукописей, выписок и переписки, перечислять которые в протоколе после обыска, длившегося от 10 часов вечера 7 января до 4 часов утра 8 января, не было физической возможности, я не помню, была ли отобрана рукопись под заглавием "Няня, доктор и дедушка", главы из семейной хроники. Если она находится в числе отобранных, то особенно настаиваю на ее возвращении, так как в ней дана (с моей точки зрения весьма ценная) характеристика величавого типа из крестьян — старухи-няни, и притом, дана исключительно посредством изобразительной силы точных личных воспоминаний, переданных в форме, соответственной возрасту автора, воспоминаний в изображаемое время, благодаря чему психологический анализ, проявляясь лишь из точно воспроизводимых сцен, получает особую силу.

Метод такого воспроизведения удавался (и то не вполне) лишь в мемуарах первоклассных писателей, как, например, в "Степи" А. П. Чехова, в "Истории моего современника" В. Г. Короленко или в "Детстве" А.М. Горького или Л. Н. Толстого.

Мои указания в пунктах 1 и 2 на то, что некоторые мои литературные планы после отображения моих рукописей как бы послужили толчком для появления некоторых советских издательских предприятий, я, отнюдь, не рассматриваю как указания на заимствования. Но даже, если это было так, могу отметить, что я лишь радуюсь, если то или иное из моих несовершенных произведений могло послужить толчком к появлению гораздо более удачных. В пример могу указать, что мой первый печатный очерк "Рождественский Роспуск", появившийся в одном из декабрьских номеров "Самарской газеты" в 1903 году, весьма близок по сюжету к превосходному рассказу Е. Н. Чирикова "Коля и Колька", появившегося годом позднее, помнится в "Журнале для всех". Е. Н. Чириков, как и ряд других выдающихся писателей того времени, в том числе и А. М. Горький, помещали тогда свои произведения, между прочим, в "Самарской Газете", и я ободряю себя предположением, что мой слабый и незрелый первый напечатанный очерк мог натолкнуть Е. Н. Чирикова на создание им его превосходного рассказа.

При переводе меня в мае текущего года из Суздальского изолятора в Бутырский, у меня в Суздале отобрали все мои книги, рукописи и фотографические карточки с обещанием выслать их по адресу моего нового местопребывания, чего, однако, не исполнили, о чем я опять-таки бесплодно заявлял в Бутырках коменданту и лицу, проведенному со мной продолжительную беседу под формой допроса следователя.

Из книг отмечу: 1) Н. Г. Чернышевский "Литературное наследие", ч^{асть} 1, изд^{ание} ГИЗа 1928 г^{ода}, 2) Н. Г. Чернышевский "Неизданные рассказы и статьи", — юбилейный сборник Нижне-Волжского краевед^{ческого} об^{щест}ва, Саратов, 1928 г^{од}, 3) "Библиотека самообразования" — на немецком языке, богато иллюстрированный том около тысячи страниц крупного формата, 4) литературно-историческая и популярно-научная хрестоматия на немецком языке, около 100 страниц плотной печати, 5) сочинение Н. Г. Чернышевского, т^{ом} X, часть первая и др^{угие}. Из рукописей отмечу: 1) перевод популярной астрономии с немецкого языка, 2) перевод брошюры К. Лункер "Социалистическое воспитание на дому", 3) перевод рассуждения Спинозы "Усовершенствование человеческого разума", 4) выписки из различных книг, 5) тетрадь моих стихотворений, 6) юношеский дневник моего брата Валерьяна, 7) мои наброски и мелкие статьи, в числе которых "Чернышевский и Фейербах", 8) разрешение к выдаче письма ко мне, 9) фотографические карточки, 10) запас писчей бумаги — не менее 30 листов того формата и качества, на котором писано настоящее заявление.

Прошу Комитет сообщить мне о своем решении по данному заявлению по адресу: Красноармейская, 10, кв. 2 (Уфа). А. А. Измайлович для передачи А. С.

Настоящее заявление писано в температуре падения от +5 к +4 по Реомюру, а потому прошу извинить недостаточную четкость.

Александр Студенцов.

1933 года, 23 ноября.

г^{ород} Уфа»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 869. С. 35-36. Автограф.